

АЛЕКСЕЙ ЕГОРОВ

Военный историк, музейный работник

Родился в 1961 году в Ленинграде. В 1987 году окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета. С 1979 года — хранитель фондов в музеях города: в Военно-медицинском, Артиллерийском, музее А. В. Суворова, Историко-литературном музее г. Пушкина. С 1999 года и до настоящего времени старший научный сотрудник Государственного мемориального музея А. В. Суворова. Выпустил ряд статей и книг о генералиссимусе А. В. Суворове, истории Царского Села и Царскосельского гарнизона.

Один из инициаторов восстановления Царскосельского Братского кладбища павших героев Великой войны (1914–1918).

ИЛЬЯ ПОПОВ

Церковный историк

Родился в 1967 году в Санкт-Петербурге.

Редактор-издатель «Санкт-Петербургских епархиальных ведомостей». Автор ряда статей по церковной истории XX века. Заместитель председателя Санкт-Петербургского Митрофаниевского союза, занимающегося восстановлением утраченных храмов Митрофаниевского некрополя, а также сохранением исторических кладбищ Санкт-Петербурга и области.

ЦАРКОСЕЛЬСКОЕ БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И РАЗРУШЕНИЯ

Спите, солдатики, спите, соколики...
Вам здесь простор и покой,
Благословила вас Дева Пречистая
Миротворящей рукой...

Князь Владимир Палей. 1915

Великая война 1914–1918 годов до сих пор остаётся белым пятном в истории России. Практически все памятники этой войны уничтожены, могилы солдат затоптаны, оболганы имена героев и забыты жертвы, принесённые во имя Победы. Память о войне долгие годы замалчивалась и искажалась, некоторые до сих пор называют эту войну не иначе как «империалистическая», но для многих она — забытая, неизвестная война. Сами же

участники её воспринимали как войну Отечественную, называя Великой. Так её будем именовать и мы.

Война, воспринятая русским обществом с огромным воодушевлением, с осознанием восстановления справедливости, уже в самом начале явила огромные человеческие потери и разрушения. Первый отклик общества — увековечить память героев текущей войны уже сейчас, не дожидаясь окончания. «В 1914–1916 гг. музеи и „архивы войны“ были основаны в Петрограде, Москве, Минске, Варшаве, Киеве, Курске, Казани, Пензе, Туле, Костроме, Воронеже и других городах. В их устройстве и пополнении экспонатами принимали участие Императорская Академия наук, Российский Исторический музей, Общество ревнителей истории, Комиссия по описанию боевых трофеев Русского воинства и старых Русских знамён, Комиссия для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечения её в памяти потомства, Георгиевский комитет, полевые отделения Военно-Учебного архива, губернские учёные архивные комиссии... Скорбь о погибших нашла своё выражение в устройстве обелисков, часовен и храмов-памятников, как правило, вблизи братских могил и кладбищ, составляющих с ними единое целое как место поминовения и почитания усопших» (*Катагощина М.* Памятники Великой войны. // Военная быль. 1993. № 3/132. С. 14–15).

Ввиду больших военных потерь возникали и в столице, и в провинции многочисленные братские кладбища павших героев. Именно они и стали главными памятниками Великой войны. В Петрограде героев погребали на городских кладбищах, зачастую на особых братских участках и в специально устроенных склепах-усыпальницах на участках полков, а также и в усыпальницах полковых храмов: Введенского собора лейб-гвардии Семёновского полка, церкви свмч. Мирония лейб-гвардии Егерского полка, св. Архангела Михаила лейб-гвардии Московского полка, церкви Преображения Господня лейб-гвардии Гренадерского полка, Свято-Троицкого собора лейб-гвардии Измайловского полка, лейб-гвардии Сапёрного батальона при храме свв. Космы и Дамиана на Кирочной улице и др. Памяти героев Великой войны были посвящены храмы: св. ап. Иоанна Богослова на Богословском кладбище, Смоленской иконы Божией Матери одноимённого скита на Валааме, подготовлена площадка для храма-памятника на Преображенском военном кладбище, возведена усыпальница для офицеров лейб-гвардии Финляндского полка на Смоленском кладбище, начато сооружение склепа преображенцев рядом с полковым собором. Братские кладбища и участки были устроены также, кроме прифронтовой полосы Западного края, в глубине России — во Пскове и городах Псковской губернии: в Великих Луках, Острове, Порхове, посаде Сольцы, в Риге, Вологде, Курске, Тамбове, Чернигове, Екатеринославе, а также во множестве уездных городов. Обширный участок — около одиннадцати десятин — был выделен для братского кладбища в Киеве, где к концу 1916 года почти закончен постройкой храм-памятник. Братские захоронения и памятники

были сооружены во Львове и ряде мест Галиции и Волыни. В 1920–1930-х годах замечательный храм-памятник героям Великой войны — освободителям — был поставлен в Ужгороде.

По замыслу Императора Николая II, особым местом памяти о шедшей войне должно было стать Царское Село. Остававшееся на протяжении последних лет царствования постоянным местом жительства Августейшей Семьи и, вследствие этого, местом пребывания Императорского Дома, Царское сделалось в этот период также административной, государственно-политической и военной столицей России. Ещё до начала войны по инициативе Государя здесь было начато широкомасштабное строительство храмов, казарм, административных и общественных зданий, составивших целый ансамбль, выдержанный в русском стиле XV–XVII веков. Частью этого комплекса и, пожалуй, главным мемориальным зданием являлась Государева Ратная палата. Первоначально в ней планировалось создать хранилище «Войны России», в котором должны были поместиться коллекции, отображающие русские военные баталии различных периодов. С началом Великой войны Император принял решение разместить в Ратной палате галерею Георгиевских кавалеров и выставить трофеи, привезённые с фронта.

На въезде в Царское Село со стороны Санкт-Петербурга, у моста через реку Кузьминку, планировалось сооружение по проекту архитектора В. Н. Максимова (составленному в конце 1916 — начале 1917 гг., подписанному, вероятно, в январе — феврале 1917 г.) триумфальной арки «Белые ворота», которую намеревались возвести в знак Победы и в память о ратном подвиге русских людей, после успешного, как предполагалось, окончания войны. Этот проект не был осуществлён, он хранится в числе других документов В. Н. Максимова в фондах Историко-литературного музея г. Пушкина, как теперь называется Царское Село. Но именно там, где должны были встать врата Победы Великой войны 1914 года, позднее были остановлены немецкие войска в 1941–1944 годах.

Ближе к Пулковской обсерватории планировалось возвести ещё один знак памяти — курган «Дивинец». Вот как представлял себе его Н. К. Рерих, часто бывавший в эти годы в Царском и входивший в состав действовавшего при Феодоровском Государевом соборе «Общества возрождения художественной Руси»: «Славный подвиг должен был запечатлеться местом особым, местом высоким. Великая смена жизни должна быть отмечена курганами Великой войны... Около Петрограда, около Царского Села есть

Императрица Александра Феодоровна в форме сестры милосердия.
1914–1915 гг.

холмы. И на них запечатлеется память героев. И придут люди к курганам. И прочтут на валунах священные слова. И обновятся духом».

Но всё же главным памятником Великой войны, пантеоном героев стало Царскосельское Братское кладбище, именовавшееся тогда ещё «Первым Братским кладбищем на Руси». Здесь нашли свой последний приют более тысячи защитников родины. Широко известное Московское Братское кладбище, где были погребены в 1915–1918 годах более 18 тысяч участников войны, ставшее Всероссийским памятником Первой мировой войне, было открыто через полгода после Царскосельского — 15 февраля 1915 года — по инициативе сестры Императрицы, преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.

История Царскосельского Братского кладбища, исчезнувшего за годы советского периода, является продолжением истории другого — Казанского кладбища. После смерти в 1784 году одного из фаворитов Екатерины II А. Д. Ланского, надгробие которого сохранилось до наших дней, кладбище получило имя: его стали называть Ланским и уж позднее — Казанским. В XIX — начале XX века в Царском Селе получили место постоянной дислокации некоторые гвардейские полки. Для погребения умерших чинов Царскосельского гарнизона при Казанском кладбище по инициативе Великого Князя Владимира Александровича, Главнокомандующего войсками С.-Петербургского военного округа, был отведён довольно обширный участок земли, одной стороной примыкающий к городскому клад-

бищу, с трёх других окружённый валом. В центре его была выстроена небольшая каменная изящная часовня, сооружённая на средства Царскосельского гарнизона в память о бывшем коменданте Царского Села генерале от инфантерии П. А. Степанове (1805–1891). Заложённая в 1891 году протопресвитером А. Желобовским, часовня возводилась при участии попечителя кладбища генерал-майора Евреинова и была освящена 11 августа 1892 года. Внутри её был помещён большой образ Святой Троицы и лики Свт. Николая Чудотворца, преп. Зосимы и Савватия Соловецких, свт. Павла Исповедника и мученика Иулиана Тарсийского, память которых празднуется частями Царскосельского гарнизона.

К лету 1914 года участок, постепенно покрывавшийся военными могилами, был совершенно заполнен. Последним захороненным (30. 08. 1914) офицером

Церковь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» на Царскосельском Братском кладбище. Фото 1915 г.

местного гарнизона стал убитый в начале Великой войны штаб-ротмистр А. П. Корвин-Вержбицкий.

Вследствие этого и по распоряжению свыше — инициатива учреждения нового кладбища принадлежала Императрице Александре Феодоровне — в присутствии царскосельского коменданта генерал-лейтенанта Н. В. Осипова и ратмана В. М. Яковлева был отведён новый участок под военное отделение вблизи квартиры кладбищенского священника. И особо выделялось место для погребения погибших в текущей войне офицеров и нижних чинов частей Царскосельского гарнизона: останки павших воинов старались хоронить там, откуда человек был родом. Поначалу специальный участок назывался «Кладбищем героев» или «Уголок героев». На новом участке, увы, чрезвычайно быстро стали вырастать ряды зелёных холмиков, осенённых крестами. К концу ноября 1914 года здесь было погребено уже пятнадцать офицеров и около десяти нижних чинов.

Царское Село с первых дней Великой войны превратилось в огромный госпиталь. В городе было создано шестьдесят лазаретов, в том числе Дворцовый, переименованный позднее в Собственный Её Величества лазарет, где работали в качестве сестёр милосердия Императрица Александра Феодоровна и Великие Княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна. Лазарет Великих Княжон Марии Николаевны и Анастасии Николаевны находился в городке при Феодоровском Государевом соборе. Императорская семья в течение войны фактически возглавляла все общественные мероприятия по организации лечения раненых воинов, в чём были достигнуты выдающиеся результаты. Все царскосельские лазареты были объединены в Особый эвакуационный пункт, которым управлял полковник С. Н. Вильчковский.

Солдат и офицеров, умерших в госпиталях, также хоронили на «Кладбище героев». Сюда же перенесли тела пяти нижних чинов-царскосельцев, погребённых прежде на участке местного гарнизона при Казанском кладбище в августе 1914 года. Таким образом «Уголок героев» стал приобретать характер кладбища-памятника Великой войны. А в начале 1915 года оно получило наименование Царскосельского Братского кладбища.

«По мере того как возрастало число погребений, увеличивалось и само кладбище, которое по указанию Её Величества с весны 1915 года устраивалось со строгой простотой. Обнесённое скромной временной изгородью с крестом на каждом столбе, обсаженное вечнозелёными елями вдоль рва, отделяющего его от дороги и поля, с единственными воротами, из которых устроена широкая дорога с рядами туй по сторонам, оно с первых дней войны стало принимать в свою

Фрагмент ограды Братского кладбища

Штаб-ротмистр Лишин Юрий (Георгий) Николаевич. Лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк. Похоронен на Братском кладбище 25. 09. 1914

Штабс-капитан барон Притвиц Иван Александрович. Лейб-гвардии 4-й Стрелковый Императорской Фамилии полк. Похоронен на Братском кладбище 21. 11. 1914

ограду гробы с останками скромных серых героев» (Вестник Царскосельского района и Особый эвакуационный пункт. 1916. № 9. С. 5–6).

Особое покровительство Братскому кладбищу оказывала Императрица Александра Феодоровна. Государыня, ежедневно посещающая раненых, ассистирующая при операциях, непременно провожает умерших в последний путь, молится об усопших в нижней Константино-Еленинской пещерной церкви Дворцового госпиталя и на самом Братском кладбище. Её она посещает чаще одна, реже — в сопровождении близких. Порой по её просьбе это делают Великие Княжны. В письмах к супругу, Императору Николаю II, Александра Феодоровна часто упоминает о своих царскосельских главных заботах: «Царское Село. 28. 02. 1915. <...> Иоанчик вызвал Ольгу к телефону, чтобы сообщить ей, что бедный Струве [Сергей Густавович, флигель-адъютант, штаб-ротмистр лейб-гвардии Конного полка. — А. Е., И. П.] убит — он ужасно огорчён, потому что тот был его близким другом... бедный, милый, весёлый, хорошенький мальчик! Его тело будет привезено сюда...»

«Царское Село. 1. 03. 1915. <...> Мы отправились на кладбище, так как я давно не была там, оттуда — в наш маленький лазарет и в Большой Дворец...»

«Царское Село. 3. 03. 1915. В 12 ½ мы были на панихиде в маленькой госпитальной церкви внизу, где стоит гроб бедняжки-офицера [предположительно, поручик Леш Павел Леонидович. — А. Е., И. П.]. Так грустно отсутствие родных, как-то особенно тоскливо...»

В конце марта — начале апреля 1915 года Императрица из-за болезни (простуда и сильный жар) оставалась во дворце. В эти дни в её письмах появляются записи о посещении Братского кладбища Великой Княжной Марией Николаевной: «Мария пошла на кладбище, чтобы положить цветы на могилу бедного Грабового [Давид Иванович, офицер 14 Грузинского Наследника Цесаревича Алексея Николаевича полка, 2. 03. 1915 умер в Царском от ран. — А. Е., И. П.] — сегодня 40-й день. Как время летит!»

Весной 1915 года по повелению Государыни на Братском кладбище разрешено хоронить также и тех, «кто при жизни служил и работал в лазаретах

района и царскосельского особого эвакуационного пункта, т. е. тех, кто хотя и не призван был пролить кровь за Царя и Отечество, но по мере сил трудился над облегчением страданий раненых и больных воинов». Тогда же ей приходит мысль возвести здесь небольшую деревянную церковь, «возможно простую деревенскую русскую, дабы ещё больше освятить это святое место». Проект храма, составленный гражданским инженером С. Ю. Сидорчуком¹, был одобрен Императрицей.

18 августа 1915 года состоялась закладка храма на Братском кладбище, совершённая духовником Императорской четы прот. Александром Васильевым при участии настоятелей Екатерининского собора прот. Афанасия Беляева и Знаменской церкви — прот. Иоанна Сперанского в сослужении многочисленных представителей царскосельского духовенства, каждый из которых «уже не раз проводил на это братское кладбище страдальцев, угасших на их руках, принял от них последнюю исповедь, слышал их последнюю молитву». А через год и один из этих пастырей — прот. Николай Алексеевич Андреев сам будет погребён на Братском кладбище.

На закладке присутствовали штаб- и обер-офицеры местного гарнизона с комендантом, генералом от инфантерии Осиповым во главе, медицинский персонал во главе с лейб-медиком Е. С. Боткиным, начальник Дворцового управления князь М. С. Путятин, начальник местного эвакуационного пункта полковник С. Н. Вильчковский и многие другие. Помолиться пришли также раненые из ближайших лазаретов, царскосельской команды выздоравливающих, персонал лазаретов и чины особого эвакуационного пункта.

Духовник Царской Семьи о. Александр Васильев в своём пламенном слове призвал в скорбные дни героического отступления Русской армии, «глядя на свежие могилы воинов, на иконы и стяги Св. Православной Церкви, памятуя молитвы Царя и Царицы, не падать духом, не унывать, а твёрдо верить в конечную победу Руси над безбожным врагом, сплотиться

Прапорщик Кирилин Владимир Николаевич. Лейб-гвардии 4-й Стрелковый Императорской Фамилии полк. Похоронен на Братском кладбище 21. 11. 1914

¹ Сидорчук Симеон Юлианович (1. 09. 1882–1925). Родился в с. Великоселицы Брестского уезда Гродненской губернии в крестьянской семье (позднее отец его служил унтер-офицером Минского жандармского железнодорожного управления). По окончании Виленского реального училища в 1900 году приехал в Санкт-Петербург. Окончил Институт гражданских инженеров. В 1906 году посещает Русский Север с целью изучения деревянного храмового зодчества Вологодской и Архангельской губерний. С весны 1913 г. проживает в Царском Селе на Императорской ферме. Он автор проекта и строитель здания Государевой Ратной палаты (1913). И вероятно, при его участии под руководством С. Данини составляется проект Серафимовского убежища увечных воинов А. А. Вырубовой в Царском Селе, с храмом прп. Серафима Саровского (1916–1917).

Прапорщик Жуковский
Георгий Георгиевич.
Лейб-гвардии 1-й
Стрелковый Его Величе-
ства полк. Умер от ран.
Похоронен на Братском
кладбище 2. 08. 1916

Поручик Кирилин Борис
Николаевич. Лейб-гвар-
дии 1-й Стрелковый
Его Величества полк.
Похоронен на Братском
кладбище 9. 08. 1916

вокруг Церкви и Царя и верою, крепкою и сильною, ожидать бестрепетно помощи Божией в правом деле защиты Родины и угнетённых народов, памятуя, что zde лежащие уже отдали по завету евангельскому душу свою за други своя. Заботы же о их последнем месте упокоения, о вознесении повседневных молитв за их чистые души не покидают Царицу Великой России».

Строительство новой церкви было завершено в кратчайший срок. Через десять дней, 29 августа, после торжественной панихиды, на уже законченном срубе были водружены кресты. Всего строительство заняло сорок восемь дней. К моменту освящения храма на Царскосельском Братском кладбище было похоронено более четырёхсот воинов...

В канун дня тезоименитства Цесаревича Алексия Николаевича, 4 октября 1915 года состоялось освящение церкви. Государыня писала об этом событии: «Чудный солнечный день, 0 градусов было утром и 3 градуса ночью. В 10 часов мы отправились на освящение прелестной маленькой церкви. Вчерашняя вечерняя служба была также очень хороша — было много сестёр в белых косынках, что придаёт такой живописный вид... Около 200 человек из команды выздоравливающих стояли вокруг церкви, так что могли видеть крестный ход. В час мы поехали в наш лазарет...»

Вследствие малых размеров храма в собор духовенства, принимавшего участие в освящении его, на всенощной кроме прот. Александра Васильева, входили также настоятель церкви иконы Божией Матери «Всех скорбящих радости» Дворцового госпиталя прот. Иаков Червяковский, священник Казанского кладбища о. Феодор Миролюбов, священник 131 сводного эвакуационного госпиталя иеромонах Досифей (Степанов) и священник Пещерной Царе-Константиновской церкви о. Андрей Чуб. В день освящения храма прот. Александру Васильеву сослужили старейший клирик Царского Села, настоятель Екатерининского собора митрофорный протоиерей Афанасий Беляев и иеромонах Досифей, который и был назначен настоятелем освящаемого храма на всё время войны.

На правом клиросе молились Императрица Александра Феодоровна с дочерьми Ольгой, Татьяной,

Марией, Анастасией, на левом поместился небольшой хор певчих из нижних чинов царскосельской команды выздоравливающих. «Западные ворота маленького храма были открыты настежь, и сквозь них было видно тихое кладбище и молитвенно настроенные ряды команд выздоравливающих раненых нижних чинов со своими врачами, сёстрами и санитарями <...> вся площадка вокруг храма и вся дорога от ворот кладбища были полны молящихся» (Вестник... № 9. С. 10).

Церковь и всё убранство — иконостас, паникадило, аналои, скамьи, подсвечники, решётки клиросов — были изготовлены по особо составленным С. Ю. Сидорчуком и утверждённым лично Императрицей рисункам фирмы «П. И. Оловянишникова сыновья» в Москве, а также царскосельскими дворцовыми и частными мастерскими в духе старого стиля архангельских церквей XVII века «с соблюдением величайшей простоты». Иконы в иконостас были писаны в московской мастерской Н. С. Емельянова. Ковры в церковь вышивали сёстры милосердия лазарета Большого дворца. Полное облачение для священника, диакона и псаломщика, жертвенника и аналоя вышивала собственноручно Императрица Александра Феодоровна. Храм, как и Братское кладбище, содержались на средства Её Величества и находились в ведении царскосельского эвакуационного пункта.

О том, как Императрица относилась к памяти павших героев, сохранилось воспоминание дочери лейб-медика Е. С. Боткина Татьяны Евгеньевны Мельник: «Однажды в Царском Селе на Братском кладбище хоронили скончавшегося в одном из царскосельских лазаретов офицера. Один из наших друзей офицеров поехал на вечернюю панихиду и рассказал нам впоследствии, как глубоко он был потрясён всем им виденным. Служба ещё не начиналась, но публики в церкви собралось много, и в маленькой церкви стало так душно, что он вышел на улицу. Темнело, и в сумраке весеннего дня кое-где белели кресты могил. Вдруг у ограды кладбища остановился автомобиль, из которого вышла дама, вся в чёрном, и, войдя в ограду, остановилась у первой же могилы, осеняя себя крестным знамением. Офицер отошёл из скромности возможно дальше и ожидал, что дама сейчас уедет

Штабс-капитан Бонч-Богдановский Евгений Иосифович. Лейб-гвардии 1-й Стрелковый Его Величества полк. Умер от ран. Похоронен на Братском кладбище 14. 09. 1916

Протоиерей Андреев Николай Алексеевич. Собственный Его Императорского Величества сводный пехотный полк. Ранее — полковой священник лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка. Умер на 68 году жизни и похоронен на Братском кладбище 26. 10. 1916

или пройдёт в церковь. Но велико было его удивление, когда она, отойдя от одной могилы, пошла дальше и, остановившись с молитвой перед следующей, обошла всё кладбище, молясь перед каждым крестом. Когда она дошла до офицера, он узнал в ней Государыню Императрицу, которая одна ночью молилась за души погибших своих подданных...»

Деревянная небольшая церковь на Братском кладбище рассматривалась как временная, так как на этом месте предполагалось в дальнейшем (вероятно, по успешном окончании войны) воздвигнуть каменный храм-памятник, а деревянную церковь перенести в Лугу, на бывшую дачу школы Народного искусства Императрицы Александры Феодоровны «Светёлка», обращённую с началом войны в лазарет для воинов. В письме к Государю 1 мая 1916 года Императрица упоминает, очевидно, о проекте новой церкви для Братского кладбища: «... приму Иоанчика и Путятину с планами церкви...» Однако планам не суждено было сбыться. На месте, избранном и указанном Императрицей, осталась стоять маленькая деревянная церковь. Намоленная приходившими сюда близкими погибших солдат и офицеров, она продолжала быть символом подвига героев Великой войны и сохраняла память об этих святых днях до конца 1930-х годов.

Уже в тобольской ссылке царственные узники вспоминали Царско-сельское Братское кладбище. Великая Княжна Анастасия Николаевна писала одному из бывших раненных офицеров, находящихся на излечении в Феодоровском лазарете: «20. 02 (5. 03) 1918 г. <...> Очень грустно было узнать о смерти Николая Николаевича Васильева [трижды раненный офицер, лежавший в Феодоровском лазарете, погиб в июльских боях 1917 г. — А. Е., И. П.]. Нам всем трудно представить, что его уже нет в живых. Знакомые Нам пишут, но много писем не доходит. Часто вспоминаем о времени, проведённом в нашем лазарете. Наверное, теперь никто не ходит на могилы наших раненых, — почти все уехали из Царского Села...»

После большевистского переворота имена героев Великой войны были преданы забвению, кладбище безжалостно и методично уничтожалось. В 1919 году был закрыт музей Великой войны в Ратной палате уже переименованного к тому времени Царского Села — в Детское.

Царскосельское Братское кладбище в 1920-е и 1930-е годы существовало благодаря заботам прихода церкви Божией Матери «Утоли моя печали». К 1930 году в Детском Селе и окрестностях из сорока шести храмов оставалось лишь тринадцать, к 1935 году число их сократилось до шести. Четыре из них были закрыты в 1938 году, в том числе и церковь Братского кладбища (постановление Леноблисполкома от 2. 02. 1938). Как свидетельствуют архивные документы, в том же году она была разобрана. Иконы храма, вероятно, были перенесены в последнюю оставшуюся не закрытой к началу войны Знаменскую церковь, действовавшую и в годы оккупации. В 1942–1943 годах жители Царского Села (именовавшегося в то время г. Пушкин), ставшего прифронтовым городом, были поэтапно выселены

и эвакуированы немецкими военными властями преимущественно в удалённые от боевых действий районы Северо-Запада России и в Прибалтику. Большая часть царскосёлов, в том числе и последний настоятель Знаменской церкви прот. Феодор Забелин, к весне 1943 года оказались в Гатчине, где именно в это время появляется чтимый образ Божией Матери «Утоли моя печали», в честь которого и освящается единственный действовавший тогда нижний придел гатчинского Павловского собора. Там же в это время оказываются и спасённые перед взрывом образа царскосельского Екатерининского собора, разрушенного в 1939 году (иконы св. вмч. Пантелеимона и Казанской Божией Матери). Так чудом сохранённые бывшие царскосельские святыни — малая толика былого великолепия, лишь самое дорогое, что удалось спасти и унести с собой, — оказались в годы войны в Гатчине. Некоторые образа царскосельских храмов были найдены после войны также в Прибалтике и Германии.

Можно предположить, что чтимый образ Божией Матери «Утоли моя печали», пребывающий ныне в соборе св. Апостола Павла в Гатчине, возможно, та святыня, которая была храмовым образом маленькой деревянной церкви Братского кладбища в Царском Селе.

Подробное описание кладбища и сведения о его дальнейшей судьбе оставил нам краевед А. М. Ионов в 1985 году: «Указанное кладбище представляло из себя три прямоугольных площади примерно 40 на 80 метров каждая, примыкающие одна к другой по длине. Ограждены они были по периметру и между собой живой оградой из молоденьких ёлок и ажурной металлической [в действительности деревянной. — А. Е., И. П.] оградой. Посредине первого прямоугольника была построена небольшая деревянная церковь <...> За период с начала войны до Великой Октябрьской революции первый участок был захоронен полностью. По моим ориентировочным подсчётам, здесь было не менее 1000 индивидуальных могил, на каждой был установлен резной деревянный крест высотой около двух метров. Могилы были все обложены дёрном, на них высаживались на лето цветы. Кладбище обслуживала команда солдат. Они рыли могилы, хоронили убитых, содержали кладбище в порядке.

До Великой Отечественной войны на солдатском кладбище была цела церковь, заметны были могильные холмики, кое-где могилы сохранили кресты. В войну церковь сгорела [разобрана и к 1940 году уже не существовала. — А. Е., И. П.] остались только могильные холмики, которые напоминали нам, старожилам-пушкинцам, о том, что здесь погребены наши земляки, отдавшие свои жизни за Родину в боях с немецкими империалистами в первой империалистической войне <...> Пушкинцы приступили к восстановлению и благоустройству родного города. Очень жаль, что по вине некоторых руководителей Пушкинского района были уничтожены признаки нахождения солдатского кладбища — могильные холмики, которые вместе с растительным слоем бульдозерами были собраны в кучи и вывезены

зены на газоны города». Эти записки А. М. Ионова († 11. 03. 1985) хранятся в фондах Историко-литературного музея г. Пушкина (Царского Села).

Попыткой создать военное захоронение «под влиянием Царкосельского Братского кладбища и по его подобию», несомненно, можно считать обустроенное уже в 1960 — 1970-х годах, возникшее в годы II Мировой войны кладбище при Казанской церкви в пос. Вырица. Там погребён прп. Серафим Вырицкий († 1949). В пользу этой версии говорит тесная духовная связь между сооружавшимися в начале XX века Царкосельскими святынями и храмом Казанской иконы Божией Матери в память 300-летия Дома Романовых в Вырице (заложен 14 июля 1913 года и освящён за 13 дней до начала Великой войны). Известно, что значительную часть прихожан Вырицкого храма и после войны, в 1950-х — 1960-х годах составляли бывшие царскосёлы...

Последние десятилетия ничто не напоминало об этом святом месте на окраине Царского Села. Вместо любовно ухоженного «Уголка героев» — унылый пустырь. На могилах воинов (справа от дороги, не доходя метров ста до входа на Казанское кладбище) и на месте храма — огороды, где бесстрашные граждане выращивали ... картошку.

В Радоницу 2000 года на месте церкви Царкосельского Братского кладбища впервые после долгого перерыва прозвучала зауспокойная молитва. В Троицкую Родительскую субботу 17 июня 2000 года на месте храма была отслужена панихида по погибшим в годы Первой мировой войны и погребённым здесь воинам, установлен и освящён деревянный поклонный крест. С этого времени и по сей день регулярно 1 августа и 11 ноября — в годовщину начала и окончания Первой Мировой войны, в дни памяти убиения Царской Семьи — 17 июля — на Братском кладбище совершаются зауспокойные богослужения и происходит возложение венков и цветов. За весну и лето 2000 года территория кладбища была очищена от свалок и зарослей кустарника.

В 2000 же году заслуженным архитектором России Александром Александровичем Кедринским († 2003) был разработан проект воссоздания Братского кладбища героев.

В 2004 году Научным советом архитекторов Санкт-Петербурга принято было решение взять на государственную охрану и ввести в единый государственный реестр объектов культурного наследия Братское кладбище. В 2006 году это решение было утверждено Министерством культуры Российской Федерации.

К 300-летию Царского Села, отмечавшемуся в 2011 году, администрация города Пушкина планировала воссоздать стоявший на Братском кладбище деревянный царский храм во имя иконы Божией Матери «Утоли моя Печали». Однако юбилейные торжества и заботы администрации не позволили ей осуществить задуманное.

В то же время, когда уже восстанавливалась память о поруганном в годы безбожия Братском кладбище героев в Царском Селе, и царскосельская

молодёжь по своей инициативе и за свой счёт проводила на его территории субботники по приведению в порядок и благоустройству территории, администрация Казанского кладбища г. Пушкина намеренно начала производить захоронения умерших поверх братских могил 1914–1917 годов. Так, в 1999–2004 годах новыми захоронениями была покрыта третья часть исторического Братского кладбища героев, — южный участок, располагавшийся ближе к Казанскому кладбищу.

Представители Гвардейского объединения, проживающие во Франции и Великобритании, возлагают венок у подножия памятного креста на Царкосельском кладбище. Фото 2001 г.

Но время беспамятства когда-то неизбежно заканчивается. Противодействие и равнодушие властимущих не может и дальше сдерживать гражданскую позицию, основанную не на сиюминутной выгоде, а на сопричастности к истории Родины. Сегодня существует несколько проектов возрождения Царкосельского кладбища героев Великой войны. Один из них предполагает восстановить его в качестве действующего воинского кладбища-памятника с открытием к северу от него нового обширного воинского братского мемориального кладбища (наподобие Арлингтонского в Вашингтоне, или мемориальных кладбищ Великой войны во Франции — Верден, Мурмелон и др.). Рядом с ним, на угловом участке планируется соорудить каменный храм-памятник воинам Великой войны по утверждённому в 1916–1917 годах Государем Николаем II, не осуществлённому по известным причинам (революции 1917 г.) проекту арх. С. Н. Антонова, ставшего победителем объявленного в 1916 году конкурса на лучший проект храма-памятника Великой войны.

Воссоздание Братского кладбища, а также Государевой Ратной палаты — музея Великой войны, неотъемлемой части всего Царкосельского пантеона, стало бы исторически справедливым событием. В нашей стране нет ни одного сохранённого кладбища «забытой войны». А было их немало. Но кладбище и памятохранилище войны в Царском Селе — Ратная палата, созданные Царской Семьей с огромной любовью и непосредственным участием — неповторимый по замыслу образ русского некрополя начала XX века.